

ХРОНИКИ КИЙСТРОМА

Похититель бессмертия

The Unkillable Princess

TARAN HUNT

**THE
IMMORTALITY
THIEF**

ТАРАН ХАНТ

ПОХИТИТЕЛЬ
БЕССМЕРТИЯ

FAN|ZON

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
X19

Taran Hunt

THE IMMORTALITY THIEF

Copyright © 2022 by Taran Hunt

Публикуется с разрешения автора и её литературных агентов –
Liza Dawson Associates, США, при участии
Агентства Александра Корженевского, Россия

Перевод *Е. Трубецкой*

Дизайн *Е. Куликовой*

Хант, Таран.

X19 Похититель бессмертия / Таран Хант ; [перевод с английского Е. Трубецкой]. – Москва : Эксмо, 2025. – 464 с.

ISBN 978-5-04-206555-2

Шон Рен, лингвист и по совместительству контрабандист, арестован. Но вместо тюрьмы его добровольно-принудительно отправляют на заброшенный корабль искать утерянные данные – Философский камень. Казалось бы, ничего сложного? Вот только близлежащая звезда в скором времени планирует стать сверхновой, корабль не совсем необитаем, как думалось изначально, и уж совсем точно не безопасен. К тому же все инструкции написаны на давно утерянном древнем языке.

Ну, хоть с последним у Шона не возникнет проблем...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-206555-2

© Е. Трубецкая, перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

1

БЕЗЫМЯННЫЙ КОРАБЛЬ И УМИРАЮЩАЯ ЗВЕЗДА

Ничто, в котором болтаешься между *здесь* и *там* во время сверхсветового прыжка, на самом деле не является адом. Ад — это когда нет ни Бога, ни других людей, что-то в этом роде. А сверхсветовые двигатели просто... ну, как будто схватили пространство и дернули его вперед, словно простыню, а наш корабль застрял в мятых складках.

Но ощущалось это как истинный ад. В промежутке между прыжком и выходом пространство словно *сузилось*. Сидя один в кабине, я пытался сморгнуть блики, плавающие перед глазами. Отблески нестерпимо яркой вспышки, полыхнувшей перед самым прыжком: будто Вселенная скомандовала «Стоп!» за миг до того, как я нажал рычаг. Когда эти блики рассеялись, в иллюминаторе была одна лишь тьма.

В которой раз я пожалел, что Бенни выбрал корабль с такой тесной кабиной. Места хватало только для пилота, то есть для меня. Остальных отсюда было даже не видно, а повернуться и посмотреть я не мог: проскочил бы точку выхода. Нельзя было даже никого окликнуть: стоило чуть отвлечься — и промахнешься.

Впрочем, все и так молчали. Словно на корабле никого, кроме меня, не было. Что я там говорил про ад — «это когда никого и ничего нет»?

Ничего, кроме тьмы за передним иллюминатором. Ни стен, ни пола, ни потолка. И все же я *чувствовал*, как пространство

ТАРАН ХАНТ

вокруг сужается, словно сходятся края могилы, как начинает давить клаустрофобия. А я совсем один, и...

Вот она, точка выхода. Я переключил двигатели, и тьма в иллюминаторе словно взорвалась, расцвела ярким, мощным светом. Я продолжал постепенно выходить из прыжка, медленно разворачивая корабль, регулируя гравитатор. Когда мы перестали обгонять свет, я посмотрел прямо перед собой и увидел чудо.

Мы вышли совсем рядом с заброшенным кораблем. Это потому, что я отличный пилот и летаю так же классно, как выгляжу. Ну и потому, что мне дали очень четкие координаты этого заброшенного судна. Оно медленно, величественно вращалось впереди, и древний, испещренный выбоинами металл бортов тускло поблескивал в слепящем свете близкой распухшей звезды.

Звезды, которая вот-вот взорвется сверхновой.

Досадно, что из-за вышеупомянутой тесноты я был единственным, кто это видел.

— А что, у этого корабля и правда нет имени? — выдохнув, спросил я.

В ответ раздался лишь скрип ремней-стабилизаторов. Я вывернул шею так, чтобы глянуть на остальных в маленькой каюте: Бенни с закрытыми глазами прислонился спиной и затылком к стене, Квинт маленькими побелевшими ручками вцепилась в стабилизатор, а Лия, оседлав скамью, разложила на ней детали разобранной пушки и протирала их.

— Ну так что, — повторил я, — как он называется?

— У него нет имени, — ответила Квинт.

— Неужели?

Я повернулся обратно к иллюминатору: пора было подстраиваться под вращение корабля, чтобы нашу «Гадюку» не шарахнуло о его борт, а нас не измельчило, как сыр на терке.

— Наверное, когда-то было. У каждой важной вещи есть имя.

«Гадюку» тряхнуло: ну да, я действительно поторопился сменить наклон. Но управлять кораблем — это как говорить на чужом языке. Есть строгие правила, которым надо следо-

ПОХИТИТЕЛЬ БЕССМЕРТИЯ

вать, чтобы не ошибаться в грамматике, но, если уловить суть, начнешь говорить «с лету», и тебя отлично поймут.

— Я знал девочку, которая удочерила камень, — сказал я, — и нарисовала на нем глазки. Знаете, как назвала?

— И как же? — Судя по тону, Лия ожидала концовки, что по кульминации будет равна взрыву мины.

— Роксаной.

— Будь любезен, завязывай с именами и удели внимание стыковке, — велела Квинт.

Соприкосновение с древним судном было самой опасной частью полета. Если я слишком сильно сброшу скорость или, наоборот, прибавлю, мы не зафиксируемся четко и плотно. Корабль будет «козлить», а в космосе это отнюдь не такая безопасная забава, как, например, в гравитационном колодце. Здесь это вызовет повреждения корпуса, утечку воздуха и неминуемую гибель. Наверное, поэтому Квинт так нервничала. Совершенно зря: это же не сверхсветовой прыжок. Я вел корабль, контролировал его движение. И был хорош в этом деле.

Мы подошли еще ближе, я нажал рычаг, и «Гадюка» выпустила манипуляторы захвата, разжимающиеся, словно когти. В иллюминатор было видно только широкую плоскую поверхность корпуса — изъеденную солнечным ветром и побитую космическим мусором. За тысячу лет обшивка успела прохудиться, сквозь пробоины виднелись внутренние перегородки и элементы каркаса. Древняя и мощная машина, которую бросили здесь тысячу лет назад. У этого корабля *должно было* быть имя, хоть никто из ныне живущих, наверное, его не помнит.

— Я буду называть его «Безымянный», — решил я.

— Ну, он же такой и есть, верно? — отозвалась Лия.

«Гадюка» теперь подобралась совсем близко. Я быстро ввел нужную команду на панели управления, и манипуляторы захвата сомкнулись, корабль слегка дрогнул. Успешно.

— А имена так и даются, — сказал я, запуская программу, которая начнет стыковку и откроет шлюзовой отсек в дальнем конце корабля. — Или, по крайней мере, раньше давались. Мы, то есть люди, используем в качестве имен определенный набор слов, взятый из старого языка. Например, «Бенни»,

ТАРАН ХАНТ

или «Квинт», или «Лия», или «Шон». — Да, *можно* было бы просто пробить корпус «Безымянного» нашим стыковочным кольцом, но, если на нем есть шлюз, лучше уж воспользоваться им. — Но исходно имена — это просто описания. Притти¹, например, или Уиллоу², или...

— Шон, — сказал Бенни, — заткнись, а?

«Гадюка» перестала раскачиваться, я выключил двигатели и обернулся. Остальные забрали свои вещи и двинулись в сторону круглого люка на потолке — там был передний шлюзовой отсек. Бенни уже стоял под ним, стуча по клавиатуре настенного компьютера. Ортез у него на запястье чуть поблескивал. Бенни был изобретатель. Да-да, необходимость — мать изобретений и все такое. И он, и я выросли в изгнании, вдали от оккупированного родного мира. У нас не было денег, чтобы что-то купить, вот он и выучился делать все нужное сам. Например, этот уникальный ортез со встроенной мелкокалиберной однозарядной пушкой — радикальное средство самообороны на крайний случай.

— Давление близко к атмосферному, кислорода достаточно, температурный диапазон безопасный, — сообщил Бенни, глядя на монитор. — Скафандры не понадобятся.

Он нажал кнопку, и раздалось тихое шипение: люк открывался. Воздух двух кораблей начал смешиваться, застывшую атмосферу «Безымянного» потревожили впервые за тысячу лет. И вот Бенни, мой старый друг, самый близкий мне человек и последний выживший из моего города, шагнул на навесную лестницу и стал подниматься. Вскоре ноги его исчезли из виду, когда он добрался до верха и вылез.

Следующей была Квинт, но она не спешила подниматься — медлила, глядя в темный провал, ведущий в чужой корабль. При виде ее безмолвного ужаса я ощутил прилив сострадания, хотя из них троих меньше всех должен был жалеть ее. Но я знал, каково это, быть одиноким и напуганным.

¹ Pretty (англ.) — красotka.

² Willow (англ.) — ива.

ПОХИТИТЕЛЬ БЕССМЕРТИЯ

— Он вряд ли укусит, — сказал я, чтобы ее подбодрить. — Опыт мне подсказывает, что космические корабли не кусаются. Чаще всего.

Квинт глянула на меня с брезгливой жалостью, словно я был роботом, которого плохо собрали на заводе, и теперь он несет всякую чушь. Она последовала вслед за Бенни.

— И как тебя такого вообще занесло сюда вместе с нами? — поинтересовалась Лия, но без особого интереса. Не дожидаясь ответа, она последовала за Квинт.

Я остался один. В «Гадюке» было тихо, точно в гробу. Словно ее, как «Безымянный», покинули много-много лет. Я поспешно полез вверх за остальными.

Морозные узоры проступили на перилах лестницы там, где они примыкали к корпусу «Безымянного», за сотни лет выстудившегося в вакууме почти до абсолютного нуля, прежде чем наша «Гадюка» подняла здесь температуру на пару сотен градусов по Кельвину. Я быстро преодолел этот холодный рубеж, вылез из люка в полу на тусклый красноватый свет. Одна стена помещения представляла собой сплошное окно, от пола до потолка. Точнее, раньше представляла, пока время и космический мусор не истерли его до потери прозрачности. Теперь окно превратилось в мутный кусок пластика, сквозь который нельзя было разглядеть ничего, кроме рассеянного сияния гибнущей звезды, по орбите которой вращался «Безымянный».

Кроме нее, других источников света здесь не было. Некоторые компьютеры «Безымянного», может быть, и работали, но вот лампы погасли давным-давно. Длинное, темное, тихое и пустое помещение напоминало жертвенный зал перед входом в гробницу. Покрытые пятнами стены потрескались и крошились. Я закашлялся.

— Не забывайте, — громко сказала Квинт, когда я вылез, — до взрыва сверхновой всего неделя, и мы должны сначала полностью осмотреть корабль. Все, что найдете по пути и захотите забрать, — ваше. Но *главное* — найти данные.

Или столкнуться с последствиями — ужасными, гибельными, катастрофическими. Спасибо, Квинт, мы в курсе. Не удостоив ее ответом, я стал осматривать зал в поисках че-

ТАРАН ХАНТ

го-нибудь полезного, и луч фонарика скользнул по надписи, вырезанной в дальней стене.

Я поспешил туда, встал на колени и пробежался пальцами по царапинам в металле. Это, несомненно, были буквы, хоть и не те, что я знал с детства. Они не принадлежали ни к одному из ныне используемых языков: ни к моему родному кийстромскому, ни к сестринскому классическому, на котором я теперь был вынужден говорить. Нет, это был исчезнувший, мертвый язык, причем уже тысячу лет мертвый. Аменг. Здесь, прямо у меня перед глазами.

Я снова провел пальцами по буквам, вырезанным кем-то, чей прах я, возможно, сейчас вдыхал. Послание, которое никто не читал целое тысячелетие, пока не явился я. Словно именно для меня его и оставили. Я тщательно ощупывал буквы, и они складывались в слова.

ЭТО ПРАВДА.

Справа что-то зашуршало. Бенни, подумал я, или Лия. Глядят, можно ли отковырять что-нибудь годное. Я приник еще ближе к стене и давно забытым буквам на ней.

МЫ БУДЕМ ЧУДОВИЩАМИ.

Шорох стал громче.

ОТРЕЗАННЫМИ ОТ МИРА.

Кусок металла отвалился от стены рядом со мной, цимбалом звякнул об пол. От неожиданности я отшатнулся, не удержал равновесия и упал назад, больно ударившись об пол ладонями.

Из стены протянулись грязные скрюченные пальцы с обломанными пожелтевшими ногтями. Потом появилась голова с темными, свалевшимися волосами, падающими на лицо и плечи.

Существо, обитающее в заброшенном корабле, вылезло целиком и свалилось на пол. Потом поднялось на ноги и убрало волосы с лица. Это была женщина, в полумраке выделялось ее худое костистое лицо с огромными янтарными глазами, полными голода.

Все, кто шевелился, замерли на месте. Мы изумленно уставились на нее, а она — на нас.

Затем она запрокинула голову и закричала.

2

ЩЕДРОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ДЛЯ ТРЕХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Внесем ясность: считалось, что корабль полностью необитаем. Будь иначе, нас ни за что бы сюда не послали.

За неделю до того, как женщина-призрак оглушила меня своим криком на заброшенном космическом корабле, какие-то господа в строгих костюмах пришли около полуночи и забрали меня из камеры. Нет, я не *знал наверняка*, что республиканские власти на планете Парнас любят «избавляться» от беженцев-нелегалов — зачастую воров и несостоявшихся, но раскаявшихся убийц. И все же такая вероятность не была равна нулю. Но меня и раньше преследовали всякие авторитетные личности, так что я знал, что паниковать раньше времени не стоит. Меня завели в какой-то грузовой лифт, он долго ехал и вдруг остановился между этажами. Мы вышли в пустой коридор без камер наблюдения. Это стало самым интересным событием за последнюю неделю, с того момента, как нас арестовали. Тогда толпа копов орала нам приказы на классическом сестринском, но так отрывисто и с таким сильным республиканским акцентом, что я с трудом понимал, чего они хотят. Потом, правда, сообразил — когда нам с Бенни приставили стволы к головам.

— Где Бенни? — спросил я, когда мы пошли по коридору, но ответа не дождался.

Может, они не понимают этот язык? Или понимают, но не говорят на нем? Я повторил свой вопрос на кийстромском, ил-

ТАРАН ХАНТ

ленийском и патрианском. И даже вроде бы на местной форме языка жестов. Но они так и не подали виду, что понимают. Это означало одно — меня намеренно игнорировали. Что ж, я привык. После порабощения моей родины уцелела лишь горстка кийстромцев, которые, наверное, давно рассеялись по Республике. А здешние власти решили притворяться, будто ничего не случилось, не желая признавать, что они бросили нашу планету на произвол судьбы. Здесь нормой было захлопывать двери и отводить глаза при виде нас, но меня эта притворная слепота обмануть не могла.

Мой конвой остановился перед закрытой дверью. Самой обычной, ничем не отличающейся от других дверей в этом коридоре без камер. Но мне почему-то не хотелось, чтобы она сейчас открылась.

— Вы знали, что существуют диалекты языка жестов? — спросил я своих провожатых, не сводя глаз с дверной ручки. — Спасибо Посланникам за существование унифицированной версии, но даже она имеет региональные особенности. Принцип тот же, что и в устных диалектах...

Один из охранников повернул ручку, открыл дверь и с силой пихнул меня внутрь. Еле удержавшись на ногах, я обвел взглядом хорошо обставленный кабинет, в углу которого стоял...

— Бенни.

Он тербил ортез на запястье — самый простой, больничный, который ему выдали взамен родного огнестрельного. Услышав мой голос, поднял голову, поджал губы. Ну и взгляд. Я словно налетел на кирпичную стену.

В кабинете было еще двое, их я видел впервые. На обитом кожей красивом стуле задом наперед сидела женщина в точно такой же тюремной робе, как у нас с Бенни. При виде нее почему-то представился ржавый нож рядом с блестящим серебряным. Она мне сразу понравилась. Позже я узнал, что ее зовут Лия.

У второй женщины была точеная фигура и щегольская короткая стрижка. Она стояла у полированного деревянного стола, под вереницей закрытых жалюзи окон. Руки скрестила на почти плоской груди, так, что ткань дорогого пиджака натя-

ПОХИТИТЕЛЬ БЕССМЕРТИЯ

нулась под мышками. Ее, как мне предстояло узнать, звали Квинт.

Они втроем расположились в комнате по законам собраний криминальных авторитетов: каждый спиной к своей стене. Мне даже заботливо оставили четвертую, с открытой дверью посередине.

Напротив стола Квинт, почти в самом центре кабинета, стоял стул. Я доплелся до него и плюхнулся на шикарное кожаное сиденье.

Квинт некоторое время глядела молча, нацелив на меня острый носик. Потом сказала:

— Вы трое совершили весьма тяжкие преступления. Убийство...

На миг у меня перехватило дыхание. Неужели тот пацан мертв? Но она, сказав это, кивнула не на меня, а на Лию.

— ...или попытка убийства очень важной персоны, — закончила Квинт, глядя уже на нас с Бенни.

Значит, я все-таки не убийца. Никогда им не был, не стал и теперь. Выдохнув с облегчением, я покосился на Бенни, но тот смотрел не на меня.

— Ничего мы не совершали, — огрызнулась Лия, вонзив ногти в спинку стула. — И суда еще не было.

— Но он будет, и вам вынесут приговор, — сказала Квинт. — Доказательств против вас более чем достаточно. После оглашения приговора вам предоставят право выбора: пожизненное заключение либо смягчение наказания путем приема на военную службу в добровольном порядке.

Значит, либо провести всю жизнь в тюрьме, либо подохнуть по милости Посланников на какой-нибудь отдаленной захудалой планетке. А еще говорят, будто в Республике отказались от смертной казни.

— В добровольном, как же.

На столе у Квинт стояли старинные часы. Они сияли полированной бронзой и громко тикали. Разглядывать их было однозначно приятнее, чем думать о новой встрече с Посланниками. Я взял часы в руки, чтобы было не слишком заметно, как те трясутся.

ТАРАН ХАНТ

— Это же не посланнический суд в Марии Нова, где все куплено, — сдавленно прошептала Лия. — Дайте слово нашим адвокатам.

— У нас с Бенни нет гражданства, — сообщил я. — И вряд ли есть адвокаты.

Я перевернул часы, чтобы рассмотреть их корпус сзади. А точнее, чтобы не встретиться взглядом с Бенни. Не припомню, чтобы видел его когда-нибудь настолько злым.

— Мой босс предлагает вам третий вариант, — сказала Квинт. — Полное помилование. Снятие всех обвинений.

Снятие обвинений? Не смягчение приговора, не сокращение срока или еще какое крючкотворство, ничего в реальности не меняющее, — а самое настоящее помилование? Я снова смогу работать переводчиком и не дергаться каждый раз при виде полиции? Смогу путешествовать, изучать удивительные новые глаголы и найти в конце концов место, где странным, непостижимым образом вдруг почувствую себя дома?

Вот черт. Прошное откуда не денется, и я бы вряд обрадовался, если бы мне сказали, что это не так.

— И кто же ваш босс?

Наши с Лией вопросы прозвучали одновременно, только она спросила: «В чем подвох?»

— Некий заброшенный космический корабль вращается по орбите звезды, цикл жизни которой заканчивается. По мнению наших экспертов, взрыв сверхновой произойдет в течение ближайшего месяца, вероятнее даже, двух недель. Мой босс хочет, чтобы вы забрали с этого корабля некие данные до того, как его уничтожит взрывом.

Легкое и простое задание. До того простое, что непонятно, зачем понадобились трое заключенных и тайный кабинет без камер. Старинные часы тяжело лежали у меня на коленях, громко отсчитывая секунды. Я подцепил ногтем крышку на обратной стороне их корпуса и начал аккуратно ее отжимать.

— У каждого из вас есть опыт работы на погибших кораблях... и обхода таможенного контроля, — добавила Квинт, глядя, как я откручиваю крышку часов. — А профессионализм и секретность — как раз то, что нужно моему боссу.

ПОХИТИТЕЛЬ БЕССМЕРТИЯ

Внутри оказалось множество колесиков и шестеренок, которые крутились вместе, цепляясь друг за друга, и составляли единый, ровно работающий механизм.

— Зачем же ему нужна такая секретность?

— Данные, которые он хочет получить, носят конфиденциальный характер.

Я вынул из часов одну шестеренку.

— Кто же он такой, что хочет тайно получить засекреченные данные?

— Вас это не должно волновать. Важно то, что он в силах вам помочь.

— И где эта звезда, — спросила Лия, — которая вот-вот взорвется? Хотите, чтобы мы что-то украли? А потом нам еще и это припаяют? Нет, на Марию Нова мы не летим. — Она наставила на Квинт палец, словно дуло пистолета. — Воровать у Посланников... спасибо, но лучше мы сразу вернемся за решетку.

— Факт, — согласился я, — я бы тоже предпочел Посланникам тюремную камеру.

Или иголки под ногти, или любую другую пытку.

Шестеренки, которые я извлек из часов, больно врезались в ладонь.

— Корабль находится в нейтральной зоне, точные координаты знает только мой босс. Кроме вас, там никого не будет.

— Что конкретно мы должны там найти?

— Данные. Подробную информацию получите перед вылетом. Корабль и все необходимые припасы — тоже.

— Припасы! — фыркнула Лия. — Да откуда вы знаете, что нам может понадобиться?

— Вы сами сможете выбрать, что вам нужно. Бюджет практически не ограничен.

— Понадобится быстроходный корабль, — сказал я. Шестеренок набралась уже полная горсть, корпус почти опустел. — Если звезда в нейтральной зоне и у нас меньше четырнадцати дней до того, как она взорвется, долететь нужно за несколько часов. Нужно что-то с новейшим ССД.

Я разжал ладонь, высыпал шестеренки от часов на стол. Они сверкали и звенели, словно монетки.